

Назим
Зейналлы

В Париж на поминки

Назим Зейналлы
В Париж на поминки

«PEN-клуб»

2013

Зейналлы Н.

В Париж на поминки / Н. Зейналлы — «PEN-клуб», 2013

С самого начала следовало понять, встреча с этой бизнес-леди, женщиной с буйной фантазией и неуёмной энергией, не принесёт ничего хорошего. Хотя, как сказать... Причудливый ход событий, в результате которых пришлось проделать нежданный опасный марафон по обширным географическим просторам: Баку– Москва– Париж– Стамбул. Все усилия направлены на одну цель – любым способом отвести угрозу. В итоге раскрыто запутанное дело, которое не стоило раскрывать. Приз – миллионы евро, но за ними могут приехать серьёзные люди...

© Зейналлы Н., 2013

© PEN-клуб, 2013

Назим Зейналлы В Париж на поминки

Почтенные учёные мужи давно выяснили: многие проблемы людей объясняются именно недостатком сна и, что особенно важно помнить, продолжительный здоровый сон способствует успеху в жизни. Но спать надо ложиться только тогда, когда хочется и, желательно, на лоне природы, например, на берегу моря под шелест волн. В городских условиях, к большому сожалению, мы лишены этого удовольствия, да и большинство людей забыли, что крепкий здоровый сон – это залог хорошего настроения на весь день и, кроме всего прочего, бережёт наши нервы и дарит спокойствие. Китайские мудрецы утверждают: самый полезный сон – на ровной жёсткой постели без подушки, и ложиться лучше всего головой на север или восток.

Разумеется, это заслуживает внимания, и с этим как-то ещё можно согласиться, но спать без желанной мягкой подушки, по-моему, явный перебор. На себе испытал. Для здорового сна к мягкой подушке я добавил бы ещё высокий и стабильный доход. Зато будильник как инструмент варварства давно выкинул бы в окно и заменил на радио-будильник. Просыпаться под весёлую музыку гораздо приятнее, но всё равно в такое ясное сентябрьское утро не хотелось вставать. Человеку нужно девять часов, чтобы нормально выспаться, а ещё лучше – все десять.

Я потянулся и сладко зевнул, из окна дул приятный осенний ветер. В Баку сентябрь – лучший месяц в году: летняя жара уже отступила, а холода ещё далеко. Для меня лучшее время для сна – с шести до девяти, и если меня раньше поднять, то я не человек, буду ходить в полусонном состоянии. Все это знают, весь город Баку, даже моё начальство, все, кроме моей жены, которая встаёт на рассвете и с упорством, достойным лучшего применения, вот уже двадцать с небольшим лет продолжает будить меня, несмотря на все мои просьбы, рычания, угрозы. Замирает на минуту, только когда по радио передают бессмысленную чепуху сказочников из бюро прогнозов погоды. Вот и сейчас жена спеша на работу, носится по квартире и время от времени зовёт меня завтракать, прекрасно зная, что я всё равно не встану. В последнее время я уже не реагирую, только сквозь сон издаю звук “щас щас”, это чтобы отстала и ушла на работу, а я продолжу спать ещё час безмятежным сном человека, довольного собой и всем светом. С лестницы слышался топот ног детей, спешащих в школу. Бедные прыщавые дети, зачем их мучают и заставляют так рано вставать? Школу я ненавидел именно потому, что надо было вставать чуть свет, когда город практически ещё спал. Я любил только летние каникулы – не нужно было рано вставать, становясь свободным человеком. Говорят, что утренний сон нездоровый и даже вреден. Ерунда! Это всё для простофиль. Вы обратили внимание, во

сколько начальство начинает стекаться на работу? Не раньше одиннадцати, в лучшем случае – десять тридцать. Поэтому я прихожу ” во время”, как и они, ну может быть, на несколько минут раньше. Значит, я могу поспать ещё часок, побреюсь спокойно и с удовольствием – завтрак уже на столе, свежая сорочка на вешалке – и вперёд на добывание денег.

И в тот самый момент, когда я повернулся на другой бок и должен был раздаться храп спящего человека, готового снова бежать по кругу в играх на выживание, раздался телефонный звонок. Телефоны я не люблю ещё больше, чем будильники. У меня предубеждение на всё звенящее и гудящее. Возможно, это осталось с детства, когда в нашем дома появились стенные часы с боем. Этими антикварными часами, гордостью нашей семьи, восхищались все соседи и гости, взглянуть приходили даже из соседних домов. Торжественный почасовой бой был слышен на другой стороне улицы, и с того времени наш тихий дом и окрестные жители лишились сна. В конце концов, терпение жителей лопнуло, и они взбунтовались. К большому сожалению родителей и радости всех остальных, часы были остановлены раз и навсегда. Зато в честь громкого раскатистого боя часов наш дом получил пожизненное почётное звание “кремлёвские куранты”.

Телефон, не уставая, продолжал звонить. Зная мой распорядок дня, это было нарушением всех правил. Но, к сожалению, нормам и правилам этики придерживаются не все, и есть ещё несознательные элементы, которые нарушают одну из главных статей нашей конституции – о праве на отдых. Надо их наказывать за их подлые выходки лишением свободы или штрафом в крупном размере в пользу пострадавшего. Увы, но иногда люди, страдающие бессонницей, вольно или невольно мешают спать другим, тем, кому этот сон необходим не меньше, чем пища и вода. Они что, никогда не спят? Интересно, кто эта назойливая “муха”, которая решила испортить мне день, разбудив по чьм зря... Накрылся другой подушкой, не помогло – всё равно звенит и даже как будто громче. Я, не раздумывая, накрыл бы подушкой этого звонаря и отшлёпал, но видно “ муха” не собиралась отставать. Телефон продолжал неумолимо звонить! Не поднимая головы с подушки и не открывая глаза, потянулся к телефону, стоящему на тумбочке, поднял трубку и сказал, точнее, зарычал как каспийский тюлень:

– Не туда попали!

Рык подразумевал, что тот, кто звонит, должен принести извинения за то, что потревожил мой сон. На несколько минут наступила гробовая тишина. – Ты ещё спишь? Хватит спать, соня. Жду тебя в Сакраменто, – произнёс, как ни в чём не бывало, женский голос. – Это я.

Какой Сакраменто в такую рань, насколько я знаю, это городишко где-то далеко – не то в Италии или ещё дальше – в Америке, и звонила явно какая-то психопатка. Мне уже самому стало интересно. Отбросив в другой конец кровати орудие убийства, вдохнув побольше воздуха, я решил: уж если мне не заснуть, то хотя бы выяснить, кто этот нахал с женским голосом.

– Ты что, снова заснул? – спросил возмущенный голос в трубке.

– Нет, нет, я слушаю вас, – рявкнул я, с трудом разлепив веки.

– Да ты уже должен вылетать из двери, а он “слушаю вас”. Что, других слов не знаешь? Ныряй в рубашку, штаны и на выход.

– Нет, но мне надо встать, привести себя в порядок, я даже не брит, – начал оправдываться я, думая про себя, что дама явно не в себе от жизненных передряг. С кем не бывает, надо повежливее отшить её. – А кто это, извините, говорит?

– Послушайте только его, я здесь полчаса с ним разговариваю, а он спрашивает, кто я. Это Сафа, и я надеюсь скоро услышать стук двери за твоей спиной.

– Постой, постой, Сафа, – я повернулся на другой бок. – Конечно, я узнал тебя, вернее, твой голос. Звонишь спящему из Сакраменто, который находится чёт знает где, на другом конце света, и в такую рань. У нас в Баку, Сафа, ещё только утро начинается и...

Сафура, так её полное имя, подруга моей старшей сестры, и ещё мы учились вместе с ней на юридическом факультете, только она на два курса выше, а её отец был у нас завкафедрой. Добрейший души человек.

– Ты что мне говоришь, – сразу прервала меня она. – Протри глаза. Ты думаешь, я где-то там? Ошибаешься. Я сижу в кафе в нашем прекрасном городе, светит солнце и вокруг полно народа. Перестань мне врать и лучше двигай в сторону двери, у меня ещё уйма других дел. Ты мне очень нужен.

Я лёжа потянулся и зевнул:

– Хорошо, так бы сразу и сказала: ” есть дело”. Буду как можно быстрее. Всё, не мешай мне собираться. Скажи только, где это кафе.

– В пяти минутах от тебя. Конечно, откуда тебе знать приличные места. Как и мой муж ходишь по шашлычным только.

Муж её, крупный даже по московским меркам бизнесмен, живёт двадцать лет в Москве, живёт, по разговорам, очень даже неплохо и проводит дни в лучших ресторанах Москвы.

Я выполз из-под одеяла, умылся, оделся, и всё это как в тумане. Через полчаса, как медведь, разбуженный во время зимней спячки, сонный и злой сидел на площадке под тентом, оставив машину за углом, и слушал её скучный разговор о том, какие – мы мужчины, что мужчины перевелись и всё прочее в том же ключе. Честно говоря, такие разговоры меня всегда угнетают, и чтобы отвлечься, я начал осматривать кафе, время от времени поддакивая. Около тротуара стоял, как я думаю, автомобиль Сафы – импозантный шестицилиндровый седан бизнес – класса”Hyundai XG”. Новинка этого сезона, “король” на дороге, с роскошным интерьером, двигатель – “зверь” объёмом 3,5 л в сочетании с автоматической коробкой передач и различными “наворотами”. Кафе было оформлено в духе ковбойских вестернов и выглядело так себе, кроме грудастой барменши за стойкой. Откуда ей такой наряд достали с ковбойской шляпой? Для полного комплекта лошади не хватает и может скакать в Сакраменто на родео. Интересно, там и сейчас в таких нелепых нарядах ходят?

Голос Сафы из-за шума от проезжающих по улице машин слышался так:

– Мужчины...прости...где...под...ц...лен...ы по...вы и на...от...но со...ть и всё про... г и не...ы.

– Да, конечно, – кивал я ей каждый раз, как только она прерывала свой монолог.

– Ты не болтлив, – с сарказмом сказала она и поднялась. – До меня только сейчас дошло! Ты и не слушал меня!

– Извини! Когда меня будят так рано, я долго бываю не в себе, извини...

– Отлично! Придётся побыть в себе! – услышал я голос Сафы в сантиметре от уха. Её умные серые глаза смотрели на меня не мигая. Вблизи её несколько большой нос выглядел угрожающе. Я не из тех, кто считает, что несколько большой нос как-то уродует, особенно женщин. Считаю, что иногда даже украшает, придавая роковой вид. Кармен, мне кажется, была именно такой. У египетской царицы Клеопатры тоже будто немаленький нос был? Барбара Стрейзанд, вот на кого Сафура похожа. Даже очень, особенно когда кричит так, что видны все тридцать два зуба и пломбы на них.

После того как она продула мне дыру в ухе, я окончательно проснулся.

– Да, конечно, Сафочка, – начал оправдываться, потирая ухо. У меня было тяжёлое предчувствие, что барабанные перепонки долго её криков не выдержат, но, с другой стороны, она могла существенно увеличить мой банковский счёт. – Здесь просто шумно и я никак в толк не возьму, тебе квартира нужна? Так это не проблема, устрою лучшую... Тебе новостройка или вторичное жильё? Есть хороший выбор с евроремонтом.

– Малик, дорогой, ты ничего не понял, – сказала Сафа, поднимаясь и заходя в кафе. Мне пришлось идти за ней, лавируя между столиками.

– У тебя что-то со слухом?

– До сих пор не жаловался, – отозвался я, продолжая потирать ухо.– Глаза что– то начали...

– Много по сторонам смотришь, – и кивнула в сторону участницы родео.

– Да нет, – начал оправдываться и, чтобы перевести разговор, уважительно поинтересовался, как поживает муж, и сделал это явно не подумав.

– Лучше всех. Занимается спортом в закрытом тренажёрном зале «для своих», недавно проходил курс омоложения в дорогой заграничной клинике и тискает русских девушек, кобель старый. Мне, честно, надоело это терпеть и вот я второй год в Баку, – и развела руками. – У нас небольшие вложения были здесь, а теперь они стали большими. Самые престижные косметические салоны в центре – мои и несколько парфюмерных. Но мы ещё не развелись. Ты же знаешь, как у нас в Азербайджане к этому относятся.

– Ну, перестань, какие разводы, у вас была такая любовь. Помнишь, когда комендантский час ввели, а ты не хотела уезжать в эту холодную Москву, он всю ночь стоял под твоими окнами, пока его не забрали русские солдаты, а мы вызволяли его из военной комендатуры. Только потом, испугавшись за его жизнь, ты согласилась уехать.

– Да, – сказала она дрогнувшим голосом. – Но ты же видишь, как он себя ведёт. Когда я об этом начинаю говорить, у меня просто ком к горлу подкатывает. Вот ты, например, я знаю, не разу не изменял своей жене. Не перебивай меня, это знает весь Баку.

– Как весь Баку? – покачал я головой и холодно произнёс. – Сафа, ты преувеличиваешь.

– Честно тебе говорю, кого хочешь спроси, – и начала оглядываться. Хорошо, что в зале никого ещё не было кроме барменши, но у неё она почему-то не решилась спросить. И на том спасибо.

– Слушай, я что– то не вижу твоей машины, – она подняла брови. – Как ты подъехал?

– Она стоит за углом, в переулке, – отозвался я.

– Такая страшная машина, что её нельзя показывать людям? – с сомнением в голосе произнесла Сафа.

– Ну, в общем... ты права, – пожал плечами я.

– Какой стыд, ты и в такой машине. Никуда не годится, надо исправлять.

Я небрежно махнул рукой.

– Нет, Сафа, у меня всё нормально. Работаю в БТИ юристом, обычный юрист каких сейчас пруд пруди, а что такое БТИ, наверное, ты знаешь.

– Как же не знать! Республиканское Бюро технического инвентаризации зданий и сооружений. Много крови они выпили у меня в своё время, – и, покачав головой, добавила, – и денег... Давно ты там?

– Не так давно, работа так себе. Чего скрывать, дела идут не так успешно, как хотелось бы. Летом клиентов маловато, но работа даёт возможность заниматься продажей недвижимости и не платить налоги.

Она понимающе улыбнулась, затем слегка нахмурилась и спросила:

– Как у тебя с азартными играми?

– И это ты знаешь?! Ходили ради шутки, десять долларов за вход и весь вечер питьё и бутерброды бесплатно. Если играли, то во французскую рулетку, но это в прошлом. К игорному столу на пушечный выстрел не подхожу, иногда только в боулинг покатать шары.

Она улыбнулась, передразнивая меня и несколько минут спустя заговорила:

– Игорные заведения все прикрыли, поэтому и завязал. – Не выслушав ответа, повернулась к бару и что-то на пальцах показала.

– Ты пришёл и не спрашиваешь, зачем я попросила придти.

На столик поставили дежурный во всех подобных заведениях “завтрак бизнесмена” – ржаной хлеб, яичницу с беконом и большой бокал апельсинового сока.

– Ты же не успел позавтракать, наверное, может ещё что, коньячка?

– Ты что, Сафа, – рассмеялся я, откинувшись на спинку бежевого кожаного кресла. – Кто же пьёт с утра, мне ещё на работу.

Сафа пристально на меня посмотрела и загадочно улыбнулась.

– Чувствуется, ты устал от однообразия жизни. Наверное, и мозоли пошли от сидения. Надо тебе немного развеяться.

Только потом я понял смысл её слов и оценивающего взгляда.

– А костюм у тебя хороший и сидит как литой. Был бы только слегка светлее. Ты всегда знал толк в одежде и умел её носить. Крой точно американский, пиджак с покатыми плечами, я узнаю их из тысячи. Мой муж только их носит. Рубашка фирмы “Gant”?

Только она не знала, что этот костюм я одеваю и на работу и на все торжественные случаи. Да и откуда ей знать, как живётся рядовым строителям капитализма.

– Ты ещё, не отвлекайся и слушай. А я тебе расскажу интересную историю, очень хочу узнать твоё мнение. Я бы сказала даже странная история. Только прошу, будь внимателен, – чувствовалось, что она чем-то взволнована.

– Только ты не смейся, – попросила Сафа и поправила волосы.

– Не смеюсь, с чего ты взяла, – ответил, не поднимая головы и жуя то, что мне принесли.

– Хорошо, мне кажется кто– то меня преследует, – прошептала она дрожащим голосом.

Внимательно посмотрел на неё. У женщин в её возрасте начинаются разные дела, гормональные и прочая ерунда, отчего они бывают не совсем в себе.

– Перестань на меня так смотреть, со мной всё в порядке, то есть, с головой и со всем прочим. Что я тебе говорю, это очень серьёзно. И убери эту улыбку с лица, пока я не обиделась. Так я продолжаю. Позавчера возвращаюсь домой, машину отпустила и по дороге зашла в супермаркет кое-что купить Маське. Не делай такие круглые глаза – это моя собачка, и я покупаю ей разные вкусности. Сейчас находится под присмотром няни. Слушай дальше. Стою в кассу, позади меня какой– то мужчина встал. Вернее, я сперва увидела краем глаза справа от себя его волосатую рыжую руку, на ней ещё перстень был такой массивный, с камнем. Хорошо, не нервничай. Ты же понимаешь, эти безделушки наша женская слабость. Хотя работа ювелира была несколько грубовата. Всё, не отвлекайся, слушай дальше. На следующий день мы с Маськой поехали прогуляться на бульвар, ему нужен был свежий морской воздух.

Я поперхнулся от услышанного и начал бить себе в грудь, нож с вилкой со звоном упали на мраморный пол.

– Перестань ёрзать, это врач прописал ему утренний моцион от стресса и от общения с подружкой Джессикой.

Сафа залезла в сумку и вытащила фотографию:

– Это одно из последних фото.

На фотографии были запечатлены две вислоухие собачки в кокетливых шляпках и курточках.

– Слева Маська, – с нежностью сказала Сафа, затем нахмурилась. – А рядом эта недоτροга Джессика. Аристократка в десятом поколении, ест только из рук своего хозяина. Любит своего хозяина до безумия, и он отвечает ей тем же. Хозяин ”сокровища”, мой лечащий врач – стоматолог заявляет: ”Джессика очень чувствительная и высокоинтеллектуальная, очень разборчивая, ещё не ответившая взаимностью никому”. А по-моему капризная и избалованная. Она просто фригидна! Месяц морочит бедному Маське голову и не подпускает к себе. Только хвостом крутит, а Маська весь измучился от душевных потрясений. Ночами бедный не спит от переживаний. Скулит! Извини, я отвлеклась, перехожу к делу! Во время прогулки мне звонит на мобильник соседка по этажу. Быстро приезжаю домой, а там трагедия. Газовый счётчик взорвался, и пострадала моя дальняя родственница. У неё обгорели все волосы, и сейчас она лежит у меня как в санатории. По твоему удивлённому взгляду я всё поняла, можешь не говорить. По воскресным дням она привозит из деревни продукты и делает всю работу по дому.

Приехала скорая помощь, милиция, служба из газовой конторы, было много шума. Оказывается, произошла утечка газа из счётчика. Ни у кого до сегодняшнего дня такого не случилось, а у меня бац, и случилось. Если бы у неё рост был как у всех нормальных людей, а она немножко выше этого столика, осталась бы точно без головы и назвали бы это происшествие несчастным случаем. Вот так! Мы все на нервах, у Маськи, соответственно, углублённый хронический стресс со всеми последствиями. Теперь ему, бедному, даже Джессика не нужна. Если бы ты знал, как любят все мои друзья и подруги Маську.

– Дёрни себя за ухо, плюнь через плечо и забудь. Это всё, что тебе могу посоветовать, – подвёл итог я и повернулся к бару попросить два кофе.

Сафура энергично потрясла головой, услышав мой совет.

– Ты ничего не понял, – возмутилась она. – В тот же день у меня были эксперты, которых я их наняла, и они подтвердили мою догадку. Был предумышленный взрыв и целились в меня. Сегодня утром группа экстрасенсов побывала у меня и тоже это подтвердили.

– Ну, с этим спорить невозможно, тем более, с группой магов и чародеев, – вздохнул я и понял, что в моём положении лучше со всем соглашаться и тихо уползти по своим делам. Но иронию в моих словах, к сожалению, не удалось скрыть.

Сафа на несколько минут замолкла, а затем прошептала:

– Мне кажется, кто-то хочет моей смерти!

– Ты ведь теперь женщина богатая, подумай, кому выгодна твоя смерть, – и усмехнувшись, пробормотал. – И ещё с богатым воображением.

– Не думаю что из-за денег, родственников у меня мало. Одна сестра всего, и та замужем за миллионером, живёт себе в Париже, да и зачем им мои мелочи. Нет, здесь что-то другое, как ты думаешь, может мой муж на это пойти? – буквально выкрикнула она и вцепилась мне в локоть. Я осторожно высвободил руку из её цепких пальцев с острыми ногтями. На рукаве остались глубокие царапины.

– Как тебе такое могло придти в голову, Сафа? Неужто он из-за денег...

– Нет, нет, денег у него дай Аллах каждому, да и не такой он человек, он последние деньги отдаст ближнему, – прервала меня. – Я боюсь, это ревность! У самого рука не поднимется, так он нанял кого-то.

– Ну, это уже индийский сериал, не напрасно я запретил жене смотреть их.

– Ты не знаешь, какой он ревнивый! Это снаружи он такой "гуляй Вася", а если что, это что-то страшное. Откуда тебе, бедному, знать, что гуляки бывают страшно ревнивыми, до ужаса и могут пойти на что угодно. Как пример, Отелло!

Что-то я не припомню, чтобы Отелло мотался по женщинам, но спорить на эту тему и высказывать своё мнение не решился.

– Не драматизируй, Сафа. Может, ты имеешь в виду Дон Жуана? – пояснил я, не отрывая глаз от кофе.

Надо сказать, что раннее пробуждение не располагает к страстному спору. Наручные часы показывали десять, и надо было поскорее закончить разговор, тем более, что и кофе уже выпит. Как назло, ещё и важная встреча с клиентом намечается. Кофе мне понравился, даже очень, будут приглашать сюда клиентов, здесь мило и уютно, несмотря на явный кич интерьера.

– Ты поедешь в Москву, к нему! – выпалила она как из пушки. – Я перебрала в голове всех своих близких и выбор остановила на тебе. Ты проходил в университете психологию и психоанализ?! Используй свои знания. Ты лучший вариант! Хочу тебя нанять как юриста и его друга по "несчастью". В молодости ты вместе с ним "зажигал" с девочкам, теперь отвечай за ошибки молодости.

– Да ты что! – уставился я на неё с остолбенелым видом. – Какие девочки, Сафа, у нас десять лет разницы в возрасте с твоим мужем. Да и не мог я, тогда женат уже был. Работал у него простым юристом, помогал проталкивать дела, да и проработал я с ним несколько лет.

Правда, по работе мы с твоим мужем выезжали пару раз в Турцию, я готовил договора на подпись, а что делал твой, я не видел.

Она измерила меня испытующим взглядом и пододвинула мне вторую чашку.

– Верится с трудом! Надо, чтобы ты поехал и поговорил с ним. Не беспокойся, за труды я тебе заплачу. Ты будешь доволен! А когда приедешь, я тебе ещё парочку хороших клиентов устрою. Москву увидишь. Давно был в столице нашей бывшей родины?

– Давно и не очень хочется, – не спеша отпив кофе, задумчиво произнёс я. – Предпочёл бы сейчас лежать и спать. Признайся, ты желаешь получить доказательство его виновности, чтобы развесть, только честно.

Она замолчала и закрыла глаза, но через минуту продолжила:

– Нет, ты меня не понял. Я не знаю, чего хочу. Я запуталась, Малик. Боюсь, что он сделает какую-нибудь глупость.

– Давай поговорим о незнакомце. Ты, кроме перстня и рыжих волос, ничего не видела? Или какие-нибудь особые приметы?

Сафа сморщила кончик носа и кивнула.

– Помню, что высокий, потом пахло от него, и явно приезжий. Да, вспомнила голос командный, как на парадах.

– Он же ходил за тобой несколько дней, выслеживал, и это всё, что ты можешь сказать о нём? – сквозь зубы заметил я.

– Не иронизируй, дослушай до конца. Всю ночь и утро я думала об этом перстне. Что мне показалось необычным, так это то, что он был бронзовый. Наши мужчины носят золотые, на худой конец, серебряные. Мне кажется, я его видела и раньше, несколько раз и в разных местах. Слушай меня, я хоть и деловая, но всё же восточная женщина, мы не смотрим в глаза мужчин, но зато всё остальное от нашего взгляда не ускользнёт. Я видела этот перстень.

Она схватилась за сердце и тяжело вздохнув, продолжила:

– Извини, я несу всякий вздор, не сердись, я постараюсь, я должна всё вспомнить, но попозже, а теперь езжай за паспортом. Вот тебе визитка отеля, я остановилась на семнадцатом этаже. Временно переехала, пока установят новую дверь. Внизу скажешь, что ко мне и тебя сопровождают. Не шарь по карманам, всё оплачено. Иди, мне ещё надо кое с кем переговорить. Стой, и никому о нашем разговоре.

Я остановился на полпути к входу, повернулся и поднял обе руки.

– Конечно, Сафа, можешь не сомневаться.

– Жду тебя через час, не опаздывай, а щегольские тонкие усики лучше сбрей, старят тебя, – услышал я, выходя из зала.

Тебя не спросили, подумал я и выскочил из кафе.

В двенадцать я стоял в холле отеля под чутким взглядом обслуживающего персонала с моим другом Фуадом. После звонков и переговоров по телефону мы оказались перед дверью в номер, по обе стороны которого стояли “два шкафа” по сто килограммов и ростом с дверь, не объехать, не обойти. Дверь неожиданно открылась, в первой комнате никого не было, зато из второй доносился недовольный голос Сафы.

– Посидите минутку, сейчас закончу, в баре есть всё, и не стесняйтесь, всё оплачено, – крикнула она нам. – Если голодны, закажите что желаете.

Закончила Сафа только минут через тридцать, за это время мы успели подробно рассмотреть не только гостиную, но и ванную комнату. На стенах гостиной висели репродукции картин нидерландского абстракциониста Пита Мондриана, это мне сказал Фуад.

Влетела она в гостиную как бакинский ветер, с невообразимой причёской: всколоченные волосы в разные стороны, пучок волос при этом закрывал правую часть лица. За ней вприпрыжку неслась немолодая женщина с ножницами, целясь ей в голову. Со стороны казалось, что на наших глазах совершается убийство.

– Мы пришли, – тихо сказал я, и мы привстали с дивана. – Сафа, дорогая, не надо нас пугать, что ты с собой сделала?

Я перевёл дух, а ещё раз взглянув, добавил:

– Это что за зоопарк на голове?

– А, ты насчёт моей причёски? Не обращай внимания, это последний писк моды, вчера в Милане мои девочки всех покорили этой причёской. И она точно соответствует моему настроению. Возьми деньги, здесь тысяча долларов. Я думаю, два дня тебе хватит, постарайся образумить его и возвращайся. Оплаченный билет туда и обратно заберёшь в аэропорту. Значит так, внизу прямо у входа тебя ждет белый “Ford”. В аэропорту тебя встретят. Вот ещё возьми со стола сотовый телефон с сенсорным дисплеем, он с роумингом. Нажмёшь на дисплей и можешь говорить. Это так, на всякий случай. Всё, можешь идти.

Это она говорила, несясь по гостиной и раздавая поручения по телефону, за ней продолжала бегать женщина с ножницами, следом, истошно лая и стараясь подпрыгнуть и укусить за ногу, неслась маленькая собачка. Этот бег остановил только мой решительный призыв.

– Познакомься с Фуадом, мой друг – художник.

Честно говоря, Фуада не надо было особо и представлять, за него говорил его облик. Вьющаяся грива, перехваченная узлом на затылке, борода, вельветовая рубашка – его гордость, изношенные кроссовки «а-ля боксёр», затёртые и потерявшие товарный вид джинсы “Lee”, в кармане мелочь и ключи от дома. Не брился он, по крайней мере, неделю. Таков он был во всём.

Сафа закричала, все застыли как вкопанные, даже эта истеричная маленькая собачонка.

– Фофа, неужели это ты!!

Только самые близкие и родные называли его Фофа.

– Слушай, где ты пропал, я тебя сто лет уже не видела. Это родственник мой, я его помню вот таким, – обратилась она ко мне. – А сейчас вот как вырос. С бородой я бы тебя не узнала. Рост метр восемьдесят, наверное?

– Выше, – смутившись, произнёс он.

– Ну, да, метр восемьдесят это мой рост, – и повернувшись ко мне, спросила:

– Ты помнишь, я ещё играла в баскетбол за наш факультет. Какие прекрасные безоблачные были времена.

Наконец её взгляд обратился ко мне. Поняв что удобный момент настал, я дополнил:

– Сафа, воспоминания о прошедшей молодости оставим на потом. Сейчас надо, чтобы ты описала своего преследователя, а Фуад нарисует. Будем иметь хотя бы представление о нём и для этого тебе лучше сесть.

– Зачем, Фофа не меня же будет рисовать. Я буду ходить, двигаться, так даже лучше вспоминается. Всё, я начинаю. Маська, иди ко мне на руки.

Минут через десять, взглянув через плечо Фуада, я увидел портрет.

– Разгуливать с таким лицом это уже большое преступление, – сквозь зубы заметил я и от удивления приподнял брови.

Это было лицо гориллы.

– Может, позвоним в зоопарк? – слабо пошутил я и замолк на несколько минут. – Нам труба! Сафа, это точно он, может, ты слегка преувеличиваешь?

Сафа покачала головой. Собачка в её руках выкатила глаза, заскулила, завяляла хвостом и, по-моему, хлопнулась в обморок.

– Значит, это он! После университета я несколько лет занимался следственно-розыскной работой и тебе могу твёрдо сказать, от такого можно спастись только в танке. Ребята, к сожалению, я – пас! Не смотрите на меня так, может без меня... и в самолёте меня укачивает.

Я ещё раз взглянул на рисунок. Старик Чезаре Ломброзо – итальянский криминалист и тюремный психиатр с большой радостью занёс бы его в свою известную книгу “Преступный человек”. Понятно, что не стоило связываться с этим делом, зачем мне лишняя головная боль и неприятности, но отказаться надо было так, чтобы не обидеть Сафуру.

Пять часов спустя, в пятнадцать минут шестого, под зорким взглядом крепкозадых тёток в таможенной униформе я и Фуад выходили из аэропорта “Шереметьево”, тихо напевая давно забытую песню “Дорогая моя столица. Золотая моя Москва”. Я снова в Москве, в городе моего славного прошлого. Вежливый и энергичный голос окликнул нас, мы повернулись. Подбежал коротко стриженный улыбающийся молодой парень в кожаной куртке и тренировочных штанах, спросил, куда нам надо, предложил подвезти в центр Москвы за сорок долларов. Мы торговаться не стали, он по телефону вызвал машину, на крыше которой красовалась надпись «такси». За баранкой этой обшарпанной колымаги сидел угрюмый, крепко сколоченный мужик с крупным, обветренным лицом. С его внешними данными ему больше подошла бы грубая физическая работа. Я сел впереди рядом с водителем, Фуад с сумками пристроился на заднем сидении. Из машины неприятно пахло дешёвыми духами, алкоголем и луком. Я тоже любитель

лука, но не в таком же количестве. Напрасно мы поторопились, надо было обратиться в диспетчерскую по заказу такси. Теперь уже поздно, да и неудобно. Единственным желанием было поскорее доехать и устроиться в гостинице. Как только этот передвижной автоутиль тронулся, чтобы как-то завязать разговор. Я спросил, долго ли нам ехать. Оказалось, недолго, тридцать километров до центра и доедем быстро, если не будет пробок.

– Нам надо к гостинице, интересно, будут свободные номера?

– Да ты что, в Москве главное что бы деньги были, а устроиться не проблема.– сквозь зубы заметил водитель.

– Деньги не проблема, – радостно констатировал Фуад. – Целая сумка.

Но шутка явно не понравилась водителю. Наступила тишина, и он задумался о чём-то своём. Я огляделся. Дорога шла вдоль лесопосадок, это было Ленинградское шоссе.

Таксист повернул голову и лениво осведомился:

– А за такси заплатить у вас денег хватит?

– Что за разговоры шеф, получишь ты свои сорок зелёных, не беспокойся, – продолжал подшучивать Фуад.

– Это не мне надо беспокоиться, а вам. И за каждый километр по сорок, поняли, – дверь щёлкнула...

– Получается, тебе должны тысячу двести долларов, – быстро просчитал в уме я и подвёл итог. – Тебе как провести – через банк или желаешь наличными и, главное, в какой валюте. О чём это ты, шеф?

– О чём? И в какой валюте? Вам обоим скоро объяснят. К браткам заедем, здесь рядом, они быстро вас научат жизни.

– Да ты что, насчёт денег в сумке? Это всего лишь неудачная шутка друга, – постарался успокоить я и кивнул на заднее сидение.

– Чего ты мне гонишь? – хрипло спросил он и нажал на газ.

– Попридержи лошадей, ты что делаешь? Тихо, успокойся...

Мы мчались по северной части Москвы. Справа начинался нескончаемый парк речного вокзала, слева впереди виднелся ещё один парк. Этот район я неплохо знал, в молодые годы мы часто приезжали в ресторан речного вокзала. Но надо было как-то успокоить водителя, но как это сделать, я не знал.

Я посмотрел на шофера, затем на дорогу и неожиданно ощутил всю критичность создавшегося положения. Он явно был депрессивным алкоголиком, с таким лучше не шутить. Помутнённый разум шутки не воспринимает. Лечиться таким надо. Его большие руки всё сильнее сжимали руль, на висках вздулись вены, лицо, и без того красное, побагровело ещё больше. Такими руками в руднике махать кайлом или киркой. В нашем положении самым правильным было не вступать в разговор. Не снижая скорость, шофёр повернув к нам голову и завопил:

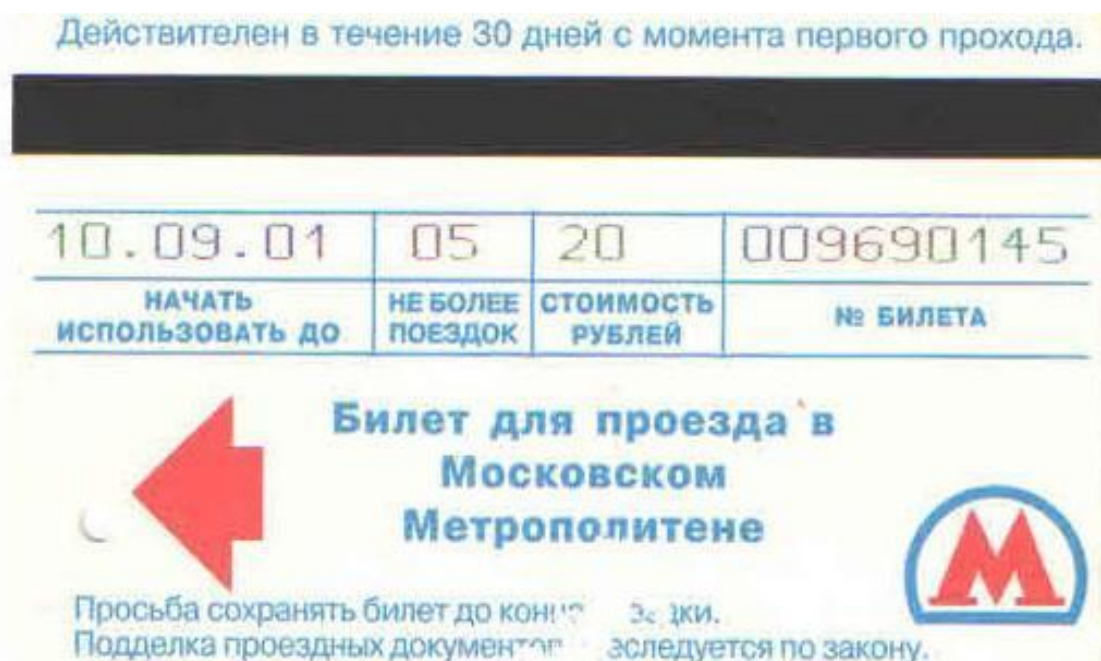
– На жалость, стервецы, берёте, только это вам не поможет. Житья нет от вас. Говнюки, понаехали тут. Там крутануть бабочку не получится, фраеров там нет.

– У тебя, дяденька, вздорный характер, – не выдержал Фуад.

– Чего? Нарываешься, хрен с горы, – рассвирепел шофёр. – А в рыло?

– Можно и в рыло, – не стал возражать Фуад.

– Вашу мать...

Это было последнее слово, которое вырвалось у него. Голова откинулась влево, затем вернулась в своё первоначальное положение, громко щёлкнула по рулю и водила начал сползать под дверь. Не надо было чужую мать вспоминать. Свою мать вспоминать ему обошлось бы значительно дешевле. Напоследок этот псих издал ещё и хрюкающий звук. Я чудом успел перехватить руль, машина неслась на большой скорости, и первое, что я сделал, выпрямил машину. Взял слегка вправо, столкнул его ногу с газа и, медленно нажимая на тормоза, с большим трудом остановился. Машина стояла на обочине и могла привлечь внимание милиции, которая, по разговорам, мало чем отличалась от братков. Тогда нам точно не отвертеться. Я притронулся кончиками пальцев к его шее, нет ещё живой. Черепушка видно у него крепкая! Рядом с головой на коврике лежала заточка, выпавшая у него из кармана, а пощупав рукой под передним сидением, обнаружил бейсбольную биту. Не знал он про силу удара Фуада правой рукой по уху, после которого в ушах долго разносится колокольный звон. Раскрасневшееся ухо начинало медленно, но верно раздуваться и принимать форму узбекской лепёшки. Удар у Фофы, конечно, сильный, чувствовалась рука бильярдиста с большим стажем, но что-то надо было делать с этим лопухом. Выйдя из машины, я пересел на место шофёра, Фуад оперативно за плечи перетащил его на моё место. Проехав вперёд, мы свернули вправо и въехали в парк речного вокзала.

– Ну что, приехали! – начал я. – Не хотел же ехать, так нет, заставили меня, уговорили. И ты хорош “родственничек”. Женский угодник! Нашёл с кем шутить. Мне это надо?!

Я огляделся и продолжил:

– Значит так, я думаю, мы проедем вперёд, затем свернём влево к метро “Речной вокзал” За ним был когда-то большой пустырь, там его и оставим, пока милиция не приписала нам все угоны за последнее десятилетие. Надеюсь, пустырь ещё не застроен. Теперь вылезай из машины и открой багажник, освободи место для этого лопухого крикуна. Надо перетащить его, а может закопаем и всё. Так, шутку не поняли, пардон, берём за ноги и тащим его.

Уложив его в багажник, мы выехали из парка. Около метро народу было много, перед входом в ряд стояли будки, бойко торговавшие продуктами в конце рабочего дня. Пустырь был в рытвинах и ещё не застроен. Мы спокойно порулили к ближайшему дереву, стерли следы пальчиков и двинулись к метро. На прощание Фуад похлопал по багажнику и пожелал ему спокойной ночи, в ответ он что-то заорал, но нам это было уже не интересно. Вряд ли кто-либо услышит его отсюда. Да и зачем кричать, я думаю, в таком комфортном багажнике ему

будет отлично. Лежи и отдыхай, ни о чём не беспокойся, наслаждайся жизнью, водила. Крути педали, пока в ухо не дали.

У входа в метро на ступенях сидели бомжи, жалкие и опустившиеся люди с испытанными лицами. Взяв проездные билеты, спустились в метро и с пересадками доехали до площади Ногина. Разглядывая изменившуюся Москву, мы очутились перед мечтой всех кавказских мужчин – гостиницей “Россия”! Это была крупнейшая гостиница Европы с пятью шикарными ресторанами в северном и западном корпусах, с богатым выбором блюд восточной и европейской кухни. Нескончаемое количество кафе и баров, обслуживающих клиентов, как нам казалось тогда, по первому разряду, работали негласно до последнего клиента. По советским меркам, когда ничего лучше и не было, нас и это устраивало. Жадные администраторши в гостинице обкрадывали нас, угрожая выселить. Те, кто убирала номера, лазили по чемоданам и стучали коридорным, если мы приводили девушек. Девуцы обходились нам в те времена, можно сказать, бесплатно, ни о каких деньгах не могло быть и речи. Надо было накрыть только стол и все. Устраивал нас, бедных студентов, в отель наш друг – бакинец, который крутил роман с дочкой ответственного работника управделами ЦК. С метро “Ногина”, которое теперь, оказывается, называется “Китай-город”, можно было попасть в восточный корпус отеля. Проблем, на удивление, с размещением никаких не было. Нас, в отличие от прошлых лет, встретили без таблички “мест нет”, мило улыбнулись, представив прайс-лист. Цены оказались более чем скромными, тридцать восемь долларов за номер. Мы собирались остаться на одну ночь и, оплатив проживание, получили ключи и небольшой согнутый пополам глянцевого листка бумаги, на котором большими буквами было написано РОССИЯ № А 471807. Это была карта для предъявления при входе в гостиницу и которая давала право находиться в Москве. В советское время этот глянцевый пропуск переходил из рук в руки, он позволял посещать многочисленные рестораны и бары внутри здания. У словоохотливой милой администраторши выяснили, что отель взят в аренду какой-то итальянской фирмой и скоро может быть даже снесён. С этим мы не могли согласиться. Как ни как, память не одного поколения любителей весело и с комфортом отдохнуть. Поселили нас в южном корпусе на двенадцатом этаже с видом на Москворецкую набережную. Номер был точно такой, как и в годы молодости, даже пахло также, как-то по-особому.

Кинув сумку на полку, я позвонил Максуду. Мобильный сразу ответил:

– Привет, Максуд, – всё, что я успел сказать.

Из телефона послышался истошный крик. Нет, с этой семейкой я точно стану глухим или заикой.

– Давно приехал? – осторожно поинтересовался он. Если бы я ответил что приехал вчера или, не дай Аллах, позавчера, то эта была бы обида на всю оставшуюся жизнь.

– Нет, только что, только вещи положили в номер.

– Молодцы, а где остановились, могли бы у меня остаться. Завтра я уезжаю, вся квартира в вашем распоряжении.

– Да нет, зачем тебя беспокоить, мы всего на один день приехали.

– Давайте, выходите из вашего отеля, мы сейчас подъедем. Где вы остановились? Постой, я сам скажу, в гостинице “Россия”. По старой памяти, конечно. Сколько ты уже не приезжал, лет десять?

– Нет, двадцать с лишним лет. Как женился, так и всё.

Возникла неловкая тишина.

– Ну, ничего, главное, что всё хорошо и все живы – здоровы, – хрипло признался я. – Подъезжайте со стороны Ногина. Мы с Фуадом спускаемся.

– И Фофа с тобой? Ну, вы даёте, ребята. Хорошо, мы здесь рядом, через десять минут спускайтесь.

Гостиница "РОССИЯ"
Москва, 103495, Варварка, 6.
Бронирование номеров:
тел.: (095) 232-6046, 232-6254
факс: (095) 232-6248, 232-6283
E-mail: h-russia@col.ru

Оформление разовых пропусков в гостиницу:
Северная сторона, бюро пропусков.
Телефон: 232-6043

УСЛУГИ ГОСТИНИЦЫ

- *ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР *восток, антресоль*
 - аренда конференц-залов (095) 232-6289
 - аренда оргтехники 6048
 - + услуги переводчика факс (095) 232-6205
 - ксерокопия
- *КАМЕРА ХРАНЕНИЯ *север, 1 эт.* 6437
- *ПОЧТА *северо-восток, 2 эт.* 6189
- *МЕДПУНКТ 6186
- *ХИМЧИСТКА-ПРАЧЕЧНАЯ *юг, 4 эт.* 6838
- *АРЕНДА СЕЙФОВ 6255
- *ПАРИКМАХЕРСКАЯ *северо-запад, 2 эт.* 6287
- *ЗАКАЗ ТАКСИ *север, восток, запад, 1 эт.* 6199

И я услышал рёв мотора. В этот момент зазвенел телефон на тумбочке. Мы с Фуадом переглянулись, удивлённо подняли брови и выпучив глаза, вместе подошли к кровати.

Из телефона раздался томный игривый голосок:

– Мальчики, не хотите отдохнуть?

– Нет, мы уже уходим, девочки, и разве это отдых, это тяжёлый труд.

В трубку засмеялись и дали отбой. Пора было выходить.

Пройдя по коридору в лифтовый холл, мы спустились на первый этаж, вестибюль выглядел уныло и не радовал глаз, как в прежние времена, когда здесь всё сверкало, и веселье бурлило через край. Вдоль стен одиноко стояли подозрительные личности, смахивающие на сутенёров. Выйдя на площадку перед входом, мы уселись под тент напротив здания, и Фуад заказал по кружке немецкого пива, явно российского разлива. Пить не хотелось и я стал рассматривать фасад отеля, не потерявший свою былую красоту. Стены были того же серого цвета с выступающими эркерными окнами, а снизу по зданию шёл высокий кант из коричневого гранита. Приезд Максуда затягивался, Фуад расплатился за пиво, и мы не спеша пошли в сторону метро. Вдруг меня осенило.

– Откуда у тебя российские деньги? Сознаться.

– Чего сознаваться. Это сдача таксиста за моральный ущерб, – хитро улыбнулся, сделал непонятный движение рукой и ушёл вперёд.

– Фофа, не убегай, – вежливо, но твёрда начал я. В это время подъехали две машины.

– Хорошо, это мы обсудим позже. Когда только ты успел? – поражённый, спросил я.

– Обсудим и осудим, правильно, но позже, а сейчас садитесь. Хотите к девочкам или ко мне? – говорил он, обнимая и целуя нас.

Максуд был одет в безукоризненно выглаженную белую рубашку с тонкими золотистыми полосками, галстук в косую полоску и кашемировая куртка приятного тёмно-синего цвета.

– Рад вас обоих видеть, если бы вы знали, как я соскучился по вам, ребята. Вслед за ним справа вышел молодой парень.

– Знакомьтесь, это Саша, мой помощник и друг.

Конечно, мы сели к нему, и машины, развернувшись, двинулись по Москворецкому мосту на другой берег Москвы-реки. Возле светящегося всеми цветами радуги отеля “Балчуг Kempinski”, на углу у въезда на Пятницкую улицу машины остановились.

Саша зашёл в винный бутик и через минуту появился с коробкой, из задней машины послышались женские крики и аплодисменты. Машины снова рванулись вперёд, благо час пик прошёл и на улицах стало свободнее. За разговорами не заметили, как уже приехали. Мы стояли перед двухэтажным зданием, купеческим, каких на Пятницкой множество. Перед входом стоял ряженный в косоворотке, низко поклонился нам, что-то пролепетал на старорусском и пригласил войти. Комедия для богатых придурков, не знающих, куда девать деньги. Внутри всё также было в стиле

«а ля русс» на стенах висели расшитые полотенца, бубенцы, деревянные петушки и прочая мелочь. Было даже одно ноу-хау – в углу стояла настоящая телега с сеном и стёртыми валенками. Нас провели по слабоосвещённому коридору в довольно большую комнату. В центре стоял столик с креслами, справа и слева располагались кабины, стеклянные двери в бассейн и сауны. Напротив роспись во всю стену – пышногрудые круглолицые “кустодиевские” толстухи в кокошниках, бегающие по полю. С такими формами и босиком далеко не убежишь. Изображение явно была рассчитано на возбуждение аппетита мужского состава. Фуад стоял рядом и внимательно рассматривал приглашенных «живых» девиц, выбирая для себя жертву. – Как тебе? – кивнул я в сторону стены.

Не отрывая взгляда от девиц, он усмехнулся и небрежно махнул рукой.

– Девушки даже очень, особенно вон та с высокой грудью. Я бы не отказался поближе с ней познакомиться, надеюсь, она не девушка Максуда. У меня уже несколько месяцев не было женщины.

– У тебя ещё долго не будет женщины, если ты не успокоишься. Надеюсь, ты помнишь, зачем мы приехали?

Фуад кивнул, слушая вполуха и не сводя взгляда, двинулся в сторону девушек, широко раскинув руки. Пока гулянка не закрутилась, надо принимать решительные меры, потом будет поздно... Обхватив Максуда за плечо, отвел в дальний угол комнаты и коротко объяснил серьёзность нашего приезда. Несколько минут он слушал невнимательно, но по мере разговора я почувствовал, как он внутренне напрягся. Я обнял его, говоря при этом успокаивающие слова. Всё это время он молчал, затем поднял голову и бросив на меня быстрый взгляд, повернулся к Саше и дрогнувшим голосом распорядился: – Проводи девушек и извинись...

Проказник Фуад сидел на подлокотнике кресла, на коленях у него восседала та высокогрудая и заливалась смехом. Как по указке почти голые девицы быстро оделись и также быстро исчезли, к великому сожалению Фуада. Он окаменел и поджал губы, даже хотел возразить, но увидев выражение наших лиц вовремя остановился, только вздох, вырвавшийся у него, говорил о его состоянии. Я усмехнулся, не за тем мы сюда приехали. За улаживание дела Сафа мне обещала авто, не новый, но на «ходу» и ради этого я любому кайф поломаю.

– Ты шутишь? Неужели она могла подумать, что я могу совершить такое.

Минуту постояв, Максуд глубоко вздохнул, повернулся и сел в кресло, достал золотую зажигалку, тёмно-серую пачку сигарет “Gold Marlboro” и закурил. Наступила тишина, мы, видя его состояние, ждали. Максуд поднял голову, обвёл нас взглядом и начал возмущаться:

– Какое объяснение она хочет получить от меня, разве я давал повод для таких обвинений?

Я молча покачал головой. В таком состоянии его не стоило раздражать, главное получить хоть какие – то нужные нам сведения.

– Я тут не при чём, уверяю вас. Вы же не думаете, что я против Сафы мог что-то замышлять, ребята. Я совершенно невыносим и это знаю, но чтобы такое. Да, увлекаюсь женщинами, но кто этим не грешит.

Обвёл всех взглядом, остановился на мне и пробормотал:

– Конечно, ты не то, что мы, извини, но не могут же все быть такими!

– Не понял какими?

- Ты не обижайся, я в хорошем смысле говорю.
- А что, и в Москве об этом знают? – начал закипать я.

Максуд молча протянул руку к ящику, достал несколько бутылок, освободил место для них на столе, отодвинув вазу с цветами и постарался перевести разговор на другую тему:

– Я буду пить венгерский бальзам с водкой. Всем советую. Этот бальзам изготовлен на сорока двух травах. Послевкусие – приятная горечь.

Стараясь держать себя в руках, я ответил ему:

– Наверное. Но я как-то обхожусь без бальзамов, в этом нет необходимости. Но если кто-то нуждается в этом... – ухмыльнулся я, затем развернулся в кресле и взял со стола плоскую бутылку чёрного цвета с крестом на красном фоне.

– На ней ещё и крест, её в аптеках продают? – сквозь зубы заметил я и продолжил добивать его.

Максуд проигнорировал мои слова, но поняв, что я не отстану и деваться некуда, вернулся к разговору о моей персоне.

– Ты извини, Малик, я буду честен с тобой, здесь все бакинцы это знают.

– Чего, у вас в Москве других разговоров нет? Ты хочешь сказать, наши и все другие...? – спросил я и протянул руку к бутылке бренди.

– Ну, раз аккордеонист Валера знает, он и здесь играет на свадьбах, значит получается все, – растерянно произнёс Максуд.

– У меня слов нет. Я больше не хочу говорить на эту тему, у нас более важные дела, чем моя персона. Что ты думаешь об этом деле, вот что главное. Кто может хотеть её... вернее кому нужно это убийство? Получается так и не кому? Максуд, мы понимаем твоё положение, но надо думать.

Он передёрнул плечами.

– Чего здесь думать, может она кому-то дорожку перебежала по бизнесу и поэтому с ней хотят расправиться, такое часто бывает.

– Это у вас в Москве часто так бывает, а мы как-то умудряемся без крайних мер обходиться. Расскажи всё, даже то, что тебе кажется неважным, особенно про близких...

– Тогда я даже не знаю, что подумать. Сестра её Рафига – женщина обеспеченная, любит её очень, живёт с детьми и мужем в Париже. Мужа её ты тоже знаешь, валюту у него покупали мы в советское время, потом его замели во времена Андропова, но он быстро вышел при Горбачёве и пошёл вверх. Баку ему показался неперспективным, и друзья по бизнесу помогли перебраться в Москву. В середине “лихих” девяностых он развёлся, женился фиктивно на французке, сделал ей ребёнка, развёлся, и снова женился на своей. И теперь живёт в центре Парижа, квартира великолепная с картинами именитых художников. Как он смог вывезти их, не знаю? Его приглашают на посольские приёмы, дружит со многими людьми со связями. Зимой – горные лыжи, летом – охота в Африке или Южной Америке. Нет, зачем ему себя марать и ради чего? Нет – нет, пустой вариант. Мы с Асланом не так часто встречаемся, только когда я бываю в Париже, чаще перезваниваемся по праздникам и дням рождения. И только раз, ещё в прошлом году, он неожиданно позвонил и просил продать гараж в Баку. В своё время я его построил на окраине города, у Волчих ворот, подальше от глаз Сафы. Три машины и куча народа спокойно размещались. Продавать я не стал, но гаражом они пользовались, пока Сафа не узнала. Конечно, поменяла замки и строго – настрого предупредила сторожей, никаких посторонних машин и людей. Это к делу не относится, но ты просил всё, я и рассказываю.

– Когда это было?

– Ты чего задумался, неужели из-за гаража? Это смешно. Кто будет из-за этого убивать?

– Хорошо, а кому ты ключи давал от гаража?

– Не видел, ключи передал помощнице, наверное, кто-то приходил за ними. Кстати, завтра еду во Францию, винные ванны принимать. Давайте вместе поедem, если хотите. Там у него всё и разузнаете. Чего вы смеётесь?

– Остановись, ты забыл, что у нас нет визы.

– Ах, да, вам же виза нужна, – достал из куртки телефон. – Вы меня совсем запутали. Стойте, сейчас Сержу позвоним, он что-нибудь придумает. Серж, здорово, дело есть срочное, рядом со мной двое моих земляков. Хочу взять их с собой. Можно что-нибудь придумать с шенгенской визой?

– Ребята, у вас есть фотография 6 на 4? – спросил он нас, повернувшись в кресле, и, увидев наши растерянные лица, усмехнулся. – Ну да, откуда у вас.

Затем сделал паузу и сказал:

– Серж, хорошо, будет тебе фото, паспорта тебе передаст Сашок. Жди.

Обвёл нас взглядом и, потерев указательным пальцем лоб, продолжил:

– Итак, Саша, просьба. Возьми в машине, в дорожной сумке фотоаппарат. А мы приготовимся, и скажи этим, чтобы принесли закуски и маслины не забыли.

Фуад посмотрел на меня и пожал плечом, а я вытаращил глаза и постарался возразить:

– Максуд, в мои планы не входила никакая поездка в Париж. Жене сказал, что еду на дачу в Загульбу, на прибрежных скалах рыбу удить. И притом всего на один день.

Максуд пропустил мои слова мимо ушей и пристально посмотрел на нас:

– Что за выражение лица? Посмотрите на себя! В Париж на поминки собрались? Улыбайтесь!

– Максуд, завтра утром я должен быть на работе, и у нас обратный билет.

– Ещё успеешь, утром будете в Париже, переговорите с ним и обратно прямым рейсом. Меня не бесите, – сделал шаг вперёд и повернулся к Саше. – Держи простыню с Фофой, я сфотографирую.

Мы не успели ничего сказать, как наши паспорта унесли.

Фуад покосился на меня и, поймав мой взгляд, открыл одну из бутылок. Это был дорогой шотландский виски восемнадцатилетней выдержки “Macallan”. Налил нам в стаканы с массивным дном и мы, не торопясь, смакуя, опустив в них носы, осушили их. Затем подлили ещё, и мы принялись за закуски из орешек и маслин, разложенных на столе.

– Ну как вы пьёте “Macallan”, ребята. Виски не водка, такую порцию пьют минут тридцать и маленькими глотками не больше четверти чайной ложки.

– Четверть чайной ложки!? Как это? – взглянув на стакан, задумчиво произнёс Фуад.

Максуд внимательно посмотрел на нас и махнул рукой.

– А теперь, чтобы вас немного просветить, я кое-что прочитаю, – Максуд достал из кармана куртки глянцевый проспект и начал с выражением читать: Винотерапия – лечение вином, основанное на целебных свойствах виноградного сока. Лечит стресс, сердечно – сосудистые заболевания, головную боль, бессонницу и прочее. Полбокала вина обеспечивает здоровый сон лучше снотворного.

Максуд страдал манией лечиться. Если ночью предавался разврату и пьянству, а это происходило регулярно, то утром с отчаянием начинал глотать пачками пилюли и изводить своего домашнего врача вопросом “долго ли я проживу?”, требую выписать рецепты дорогих и “модных” лекарств. На самом деле “больной” абсолютно здоров, а выискивал у себя болезни видимо потому, что лечиться стало модно, особенно у тех, у кого завелись деньги.

Я повернулся к Фуаду и сонно пробормотал:

– Он, по– моему, собрался нам лекцию читать о здоровье.

– А как насчёт “основного” инстинкта, ничего не написано? Очень актуально в наше время, – с подковыркой, но крайне вежливо поинтересовался осмелевший после выпитого Фуад.

Максуд сделал вид, что не понял намёка и продолжил листать проспект.

Я не остался в долгу и добавил:

– Мне приходилось читать такие шедевры, где много драгоценных советов и рецептов известных практиков-садоводов и целителей. Я помню даже одну из них «Простейшие приёмы при ловле майских жуков». Вы, случайно, не читали?

– Я, к сожалению, не имел удовольствия, – быстро отозвался Фуад. – Зато советую книгу Меллер Зигфрида «Как вернуть и сохранить здоровье».

– Сохранить то можно, а как вернуть, вот в чём вопрос, – задумчиво произнёс я. – Надеюсь, книгу Зар-Адушт Отоман “Знание маздаизма об омоложении” ты уж читал?

– Или “Руководство по профилактике и оздоровлению подорванного организма”? – подумав, произнёс Фуад и добавил: – “Руководство” читать особенно полезно на голодный желудок и перед сном. По личному опыту знаю.

– Нет, не читал, а вам поржать хочется? – спросил Максуд.

– Конечно.

– И в связи с этим жаждем новых полезных советов и рецептов.

Максуд устало отмахнулся.

– Тогда слушайте, ещё написано “воздействует на холерные эмбрионы и тифозные палочки” – и, прищурившись, посмотрел на нас.

– Учитывая массовую эпидемию холеры и тифа в России. Это, конечно, важно, – продолжал уже я.

– Вот ещё “Два стакана красного вина компенсируют вред от выкуренной сигареты”.

– А мы бросили курить, – переглянувшись, воскликнули мы хором. – И другим советуем.

Максуд, “увлечённый” чтением не реагировал и продолжал читать, – “для лечения лучше всего подойдут марочные высококалорийные вина и шампанское”.

– Шампанское, конечно, только французское подразумевается! Нельзя же принимать ванны обычным советским или болгарским. Эти никуда не годятся, – постарался убедительно сказать Фуад, но я не выдержал и первый прыснул. – Вот уж правда – жизнь полна неожиданностей. Получается, мы все столько лет лечились и не знали этого.

– Вы что-то сказали, – не поднимая головы, сказал Максуд и продолжал что-то искать, оставаясь предельно любезным. Найдя что-то, ткнул пальцем. – Вот здесь написано то, что касается вас: “винотеропия стимулирует выделение желчи”. Глядя на ваш жёлтый цвет лица и шуточки, желчи у вас в переизбытке. А мамы в детстве, наверное, говорили, что надо быть добрыми.

– Нет, не говорили, нас, как и тебя, учила жизнь, – подняв стакан, голосом, полного сарказма, признался я.

Фуад выпил и, с трудом подавляя зевоту, сказал:

– Хотя, может и говорили, – затем, подумав, добавил, – но это было так давно, что мы успели всё забыть.

В действительности так и было. В квартале нас было несколько одногодков. Фуад был младше нас на пять лет, но его пустили в свой круг только потому, что использовали в корыстных целях. Ребёнком роста он был невысокого, но как только дорос до дворового бильярдного стола, целыми днями только и делал, что гонял шары. От бильярда его нельзя было оторвать, и детство его так и прошло у кромки бильярдного стола, а сильный мягкий удар кистью поражал всех. Одинаково хорошо играл не только в “пирамиду”, но и в “карамболь” и “снукер”. Корысть была в том, что мы его водили с собой в бильярдную Парка офицеров, и он на деньги играл с советскими офицерами. На эти деньги мы гуляли несколько дней. Конечно, уже без Фуада, ему доставалось только на мороженое и сироп. Всё это продолжалось не один год, пока он не перерос нас и с ним остерегались играть даже пьяные офицеры. На смену пришло новое увлечение, если это можно так назвать – воровство. Так, ничего особенного, по мелочам из озорства, для

выброса адреналина и куража. Брались настоящие чеки из магазинов и приписывались цифры. Особенно хорошо получались у Фуада нули. Рисовал одним движением руки. Так выяснилось, что у него есть талант к рисованию. В конце концов Фуад увлёкся рисованием, бильярд и прочие удовольствия для души отошли на второй план, а он был принят в наш круг равным. Его мать была нашей учительницей в школе, и только благодаря ей мы добрались до выпускного вечера. Наконец мы начали взрослеть, и все соседи облегчённо вздохнули.

По дороге на Пятницкой мы попросили остановиться, не доезжая Софийской набережной, сказав, что хотим пройтись по ночной Москве. На самом деле хотелось есть, в последний раз это было в Баку, если не считать маслин и орешков и того чем нас угостили в самолёте. Зашли в первое же заведение. Подали спагетти с анчоусовым соусом, от красного вина мы отказались. Принесли немецкое пиво в литровых бокалах. Позвонили в Баку Сафе, ситуацию объяснили и получили добро. Жене сказал, что рыба пока не клюёт, и мы немного задержимся. Заказали ещё купаты, маленькую бутылочку водки и расслабились. Завтра надо было рано вставать, поэтому сидели мы не больше двух часов. Москворецкая набережная вся, как и прежде, светилась огнями. Слева, там где кончались стены Кремля, вдали виднелись золотые купала нового собора. По дороге мы обменялись впечатлениями о разговоре с Максудом и поняли, что возвращаться ни с чем было нельзя.

– Надеемся, завтра что-нибудь прояснится, а оттуда прямым ходом домой, – подвёл я итог.

Утром нас разбудил телефонный звонок Максуда.

– Вы готовы?

– Почти, осталось только встать, помыться, одеться и всё прочее. Мы ещё в постели, – тихо сказал я, взяв мобильный с прикроватной тумбочки. Фуад сладко похрапывал, свернувшись калачиком. Москворецкая набережная гудела от шума машин. Гул моторов доносился до нашего номера на двенадцатом этаже, несмотря на закрытые окна и большое расстояние до проезжей части. По набережной медленно двигался поток машин, конец этого потока просматривался где-то за горизонтом. Удивительно как мы спали в таких условиях. Самое сложное было поднять Фуада. Как все творческие люди он, разумеется, привык вставать во второй половине дня и поднять его в такую рань будет нелегко. Часы на дисплее мобильного показывали девять, значит в Москве сейчас восемь. Зачем так рано нас поднял? Сам не спит и нам не даёт. В этой максудовской семейке, наверное, все страдают бессонницей. Мобильный в руках снова зазвенел, я повернулся на бок и прошептал:

– Извини Фофа, но я вынужден это сделать.

И поднёс телефон к уху Фуада.

– Мы можем опоздать, – прокричал голос в трубке.

– Фуад, давай вставай, звонит твой родственничек. Пора ехать. Он ждёт в машине.

Я понял, что всё бессмысленно и мне придётся вставать первым. Говорят, с постели легче встать, если начать двигать по кругу стопой ноги. Может быть, кому-то это и помогает. Главное, рубашку застегнуть на нужную пуговицу, брюки не одеть задом наперёд и не спутать правую туфлю с левой, а теперь пошли приводить себя в порядок. Выйдя из ванны и поняв, что надо поднять Фуада, пока не пришёл рассвирепевший Максуд, я очень тихо сказал:

– Фуад, ты оставайся, а я поехал в Париж.

Эффект был поразительный, Фуад вскочил с кровати на ноги, в трусах и всколоченными волосами и лихо соврал:

– Я уже проснулся.

Глаза были по-прежнему закрыты. Так, с закрытыми глазами, сунул ноги в кроссовки и, путаясь в одежде, пошёл в ванную. Минут через десять мы с сумками упали на заднее сиденье машины. На наши приветствия Макс пробубнил себе под нос “сколько можно спать”. Ввиду того, что я был полусонный, а Фуад сразу в машине заснул, его риторический вопрос повис

в воздухе. Приблизительно в таком состоянии нас посадили в самолёт компании “Эр Франс” и через три часа мы приземлились в аэропорту Шарля де Голля. Шум и толкотня огромного аэропорта подействовала и на проезжую часть мы постарались выйти бодрым шагом. Максуда ждали у входа с табличкой, на которой была изображена виноградная лоза. Миниобус со скоростью понёсся по дороге в Париж, заезжая и выныривая из туннелей.

– Вы, я вижу, пришли в себя, ”сони “.

Но он ошибался. Мы снова дремали, облокотившись друг на друга. Мне показалось, я эти слова в наш адрес слышал, и не так давно, от ещё одного человека страдающего занудством и бессонницей. Видно годы совместного проживания супругов влияют на их поведение и образ жизни, у них даже набор слов не отличается.

– Слушайте, эта один из престижных и спокойных районов, слева площадь Терне и метро, практически центр города, десять минут ленивой походкой и вы перед Триумфальной аркой и начало Елисейских полей. Справа отель “Ваграм”, маленький, но вполне приличный, и что хорошо, живёт Аслан с семьёй отсюда недалеко. Возьмите визитку, здесь указан домашний телефон и адрес, его сейчас дома нет, но через час будет. Для удобства возьмите карту города на ресепшн. Так что желаю успеха. Если надо, я могу и остаться, погуляем! Если что – звоните, возьми мою визитку тоже. Малик, может мне остаться с вами?

– Да нет, езжай спокойно, лечись.

– Ребята, я забыл сумку в Москве, – вмешался Фуад и уточнил. – В машине у Саши.

Я замер, потом опустил глаза вниз и убедившись, что это так, повернулся к Максуду. Он усмехнулся и успокоил:

– Не беспокойтесь за свою сумку. Вот ещё возьмите свои билеты, обратная дата указана, вылетаете завтра утром. Запомните, в аэропорту Шереметьево вас встретят с табличкой VIP обслуживания. И ещё Саша продлил ваше проживание в гостинице Россия на неделю, это так, на всякий случай. Сумку он закинет в ваш номер. У вас доллары, в Париже с января этого года новая валюта-евро, чтобы проблем не было, вот... Здесь тысяча, по курсу они с долларом почти равны.

Мы сделали попытку отказаться.

– Нет, не отказывайтесь, а то обижусь.

На прощанье он обнял нас и расцеловал, французы начали на нас оглядываться, а одна из женщин чуть не налетела на уличный фонарь. Нормально, теперь, ко всему прочему, меня в Париже признали голубым, с которым расплачиваются прямо на тротуаре. Надо было побыстрому скрыться в отеле, который действительно оказалось небольшим, уютным и чистым. В вестибюле справа располагался ресепшн, где стояла милая вьетнамка и улыбалась нам. Положив сумку на ковёр, я подтолкнул Фуада к ней. Его мать, прекрасная женщина, преподавала в нашей школе иностранные языки, и хоть что-то он должен был знать. К удивлению, они быстро поняли друг друга, за номер было заплачено сто евро за сутки, и мы, получив ключи, вошли в лифт. Железное сооружение, которое называлось лифтом, со скрипом и скрежетом подняло

нас на третий этаж. Балкон в номере выходил на площадь, но это был скорее небольшой выступ с ажурным металлическим ограждением.

Повернувшись, мы увидели одну широкую кровать на двоих. Я удивлённо посмотрел на Фофу.

– Я здесь не при чём, всё что я ей сказал “номер стандарт на двоих”, – начал оправдываться Фуад, затем повернулся и включил телевизор.

– Давай лучше спустись вниз и попроси другой номер, с видом на площадь. Я бы и сам пошёл, но сам знаешь... и возьми карту Парижа со стойки.

Фофа нехотя поднялся с кресла, но возражать не стал, и мы ещё раз оглядели комнату.

Номер был обставлен старинной мебелью, с потолка свисал кремового цвета абажур времён наших бабушек, комната была светлой и уютной.

Пока я переключал программы по телевизору и приводил себя в порядок, Фуад появился с картой и потрясающей новостью.

– Номер нам забронировал Максуд сегодня утром и убедительно просил, чтобы комната была с одной кроватью. Представляешь! Каков...

– Всё понятно, шутник! Отомстил он нам, но ничего, мы в долгу не останемся. Попадёт он к нам в лапы... Хорошо, открывай карту, посмотрим, где эта улица.

Убрав вазу с цветами, мы на столе разложили карту Парижа.

– Где это, как ты думаешь? Город большой...

– Может, тебе к карте и компас дать, – предложил я.

– Точно, без компаса нам не найти.

– Остряк, найдём без компаса и навигатора. На визитке указано Вильсона, 12. Это, я понимаю, номер дома у них. Максуд сказал, в десяти минутах ходьбы от отеля вот и ищи.

Мы нагнулись над картой, искали недолго. Фуад вскрикнул и показал на улицу недалеко от реки:

– Вот она, видишь, латинскими буквами написано Wilson. Теперь посмотрим, как туда пройти. Вот наша площадь Терне, – и указал за балкон. Смотри, идём по улице Ваграм, проходим площадь перед Триумфальной аркой, затем улица Марсеау или что-то вроде этого, и мы на улице Вильсон. Всё!!

– Всё так всё. Вставай и пошли. Времени мало и карту не забудь.

Радостные, под улыбку нашей милой хозяйки, мы вышли на встречу с “городом любви”. Париж нас встретил солнечным днём, мы огляделись, посередине площади Терне была станция метро, газетная будка и несколько скамеек. У деревьев бегали дети, несколько пожилых что-то бурно обсуждали и тыкали пальцем в газету. Дислокация ясна, можно идти. Пройдя по левой стороне улицы Ваграм, мы увидели знаменитый проспект – Елисейские поля. Пока мы оглядывались, рядом встал двухэтажный экскурсионный красный автобус, кто-то Фуада окликнул, и он пошёл к синему “Fiat”, стоявшему у тротуара. Я продолжил рассматривать здания по обе стороны проспекта, ширина которого было не меньше шестидесяти метров. Что меня удивило, на главном бульваре Парижа здания были выдержаны в одном стиле и не выше семи этажей с мансардами. Я рассмотрел все ближайшие дома и людей в пределах видимости. Слева виднелась реклама, приглашающая в знаменитый ночной клуб на Елисейских полях – “Le Queen”. Пройдя вперёд, в окружении людей на крутящемся постаменте я увидел роскошные лимузины: “Jaguar XJ” серебристого цвета с изумительным дизайном, красавец “BMW Z4” с увеличенными габаритами, новый флагман “Audi” – представительский лимузин со спортивным характером, “Bentley Continental GT” с комфортабельным салоном класса «люкс» – все выглядели потрясающе. Автомобили окружали рекламу об открытии международного Парижского мотор-шоу 2002, на котором выставлялись лучшие моделями этого года. Стояла прекрасная осенняя погода, и поэтому народа было много, в основном, конечно, туристы со всего мира. Фуад, нагнувшись, стоял у автомобиля “Fiat” и разговаривал с кем-то внутри машины.

Надо было спасать водителя, я вернулся и подошёл к ним. Оказывается в машине сидели два жуликоватых молодых итальянца и старались продать Фуаду за пятьсот евро замшевый пиджак в пакете. Наивные, они думали о нём слишком хорошо. Я встал рядом и со смехом следил за этим спектаклем. Фуад, сбивая цену, довёл её до ста долларов, затем умудрился опустить ещё на сорок долларов. Итальянцы что-то доказывали, размахивая руками, кричали, показывая лейбл на пиджаке, но Фуад упорно продолжал сбивать цену. Даже на расстоянии было видно, что пиджак из искусственной кожи, цена которой не больше тридцати долларов. Если было бы время, я не стал бы мешать ему издеваться над ними, но надо было идти. Я взяв за локоть и оторвал Фуада от них, итальянцы радостно и с облегчением вздохнув, замахали на прощание. Фуад хихикнул и тут же, повернувшись ко мне, произнёс:

– Ну и зачем ты помешал, ещё немного и пиджак был бы наш за сто российских рублей, – и обернувшись, помахал итальянцам. – Чао! Коммивояжеры хреновы.

Мы перешли на другую сторону и, заглянув ещё раз в карту, пошли по улице Марсо по направлению к Эйфелевой башне, верхние этажи которой уже виднелись. Улица Вильсон открылась неожиданно. Подняв головы, мы увидели дом номер два с кондитерской на первом этаже. Под номером четыре был бутик женской одежды. Так, двигаясь по правой стороне, мы приблизились к дому номер двенадцать. Здание было угловое, шестиэтажное, хорошо сохранившейся постройкой с красивыми ажурными большими балконами, прошлого или, может, даже позапрошлого века. Я достал визитку Аслана и набрал номер. Незнакомый женский голос быстро и непонятно что-то сказал. Она говорила так быстро, что даже Фуад, прослушав несколько раз, не смог ничего разобрать.

– Интересно, что она сказала?

– Ты у меня спрашиваешь? Давай садись.

Напротив входа у кромки тротуара стояла скамейка. Широкая входная дверь была изумрудного цвета с двумя бронзовыми ручками и барельефом над дверью. Справа от двери был установлен домофон. Я подошёл к двери и наугад нажал на несколько кнопок, дверь не отреагировала. Зайти запросто не получилось. Значит, будем сидеть и ждать. Ничего нет хуже, чем ждать и притом на голодный желудок. Посидев пятнадцать минут, Фуад вскочил и огляделся:

– Всё, я не могу. В самолёте мы еду проспали и неизвестно сколько нам сидеть. Я пойду и принесу что-нибудь из кондитерской. Тебе что принести?

– Люля-кебаб, пити и побольше зелени. Фофа, а вдруг дверь откроется. Мне что, её ногой держать?

Фуад уже нёсся направо и не слышал меня, а вернее делал вид, что не слышит. Слева в конце квартала за решёткой виднелся сад, из которого доносился детский смех. Окна на первом этаже были большие, слева от входа было только одно окно, наверное, эта комната консьержки. Может, постучать ей в окно, попросить, и она откроет дверь. Открыть, может, и откроет, а впустить вряд ли. Хотя окна на первом этаже без решётки, получается, квартирных краж у них нет. Время тянулось долго и хотелось кушать. Размышления мои прервал прибежавший Фуад:

– Вот, держи, только круасаны и кофе. Эта кондитерская клуб для пожилых людей, живущих поблизости, такие прелестные старушечки в шляпах, умрёшь. Надо было взять побольше, тебе вряд ли хватит, – сказал, увидев, как исчезают один за другим круасаны.

Я жевал и слушал Фуада.

– Теперь они все уже мои подружки. Я рассказал им, как мог, откуда мы приехали, про нашу страну и народ. И даже спел им немного. Сейчас, наверное, придёт одна из них и поможет войти. Они уже идут. Поцелуй ручку, им будет приятно.

– Всем? – поперхнувшись кофе, спросил я.

– Нет, через одну, – с усмешкой ответил он.

Я вынул из кармана платок, вытер губы и приготовился к поцелуям, лишь бы они открыли двери. Старушки, толкая друг друга, долго что-то говорили, из чего я понял только отдельные

слова. Приходилось мило улыбаться, кивать головой и делать понимающие глаза. Бесперывно щебеча, они окружили нас, перебивая друг друга, мы увидели открытую дверь и нас пригласили войти. Фуад на прощание сказал им всем “merci” и обещал старушкам обязательно посетить их... Лифт оказался таким же скрипучим, как в отеле, и поднимался он так же медленно и долго. Внутри стояло маленькое бархатное кресло, такое же древнее, как и лифт. Фуад сел в него, кресло под ним угрожающе закрипело.

– Разбуди, когда приедем.

Наконец мы оказались на пятом этаже. Дверь лифта открывалась обычной защёлкой, такой, какие ставят в амбаре. На этаже были три двери с медными табличками, стены покрыты дубовыми панелями с резьбой. Одна дверь была полуоткрыта, и мы заглянули внутрь. Где-то из глубины квартиры доносились голоса. Пару раз кашлянув, мы попали в большую комнату с окнами, выходящими на реку. Пройдя через две большие и светлые комнаты, мы оказались в угловой комнате с балконом, выходящим на боковую улицу. Около окна, спиной к нам, стояла женщина в длинном строгом вечернем платье тёмно-серого цвета с глубоким вырезом на спине и весело мурлыкала по телефону. Если судить по хорошенькой фигурке, то это должна быть молодая девушка. Как бы эта фигурка не устроила нам истерику и не собрала всю парижскую жандармерию. Между нею и нами стоял низкий стол и канапе с креслами. Первым делом, пока мы не испугали её, надо задвинуть этого «обросшего» с ног до головы, подальше хотя бы на первый момент.

– Стой за спиной. Выйдешь, когда я толкну локтём. И сделай доброе лицо, не гримасу, а доброе, я сказал. Может быть истерика!

Неожиданно она повернулась, продолжая говорить по телефону. Мы застыли как минёры, ожидающие взрыва, с жалкими улыбками на лицах. Она продолжала говорить по телефону, не замечая нас, стоящих перед ней. Затем снова отвернулась. Фуад заёрзал за моей спиной и пришлось локтём успокоить его. Мы продолжали молча стоять. Затем она резко повернулась, бросила трубку и уставилась на нас. Мы онемели. Я поправил галстук и пригладил

волосы. Фуад, посмотрев на меня, погладил бороду. Долгую гробовую тишину в комнате прервала она, спросив что-то на французском языке. Я сходу толкнул локтём Фуада, поняв, что самое страшное позади, и всё благополучно закончилось. Появившись из-за моей спины, он начал, как я понял, объяснять, кого мы ищем. Открыл карту Парижа и разложил её на низком столике, а я вытащил визитку. Мы, как генералы, ведущие войско в атаку, нагнулись над картой и показали маршрут нашего поиска. Она стояла в стороне и слушала, нахмурившись, но по мере того, как мы рассказывали, вернее, Фуад рассказывал, я только водил пальцем по карте и размахивал визиткой перед ней, она менялась в лице. Затем на губах появилась улыбка, она прошла к канапе, села вполоборота, как бы немного боком. Небрежно закинула ногу на ногу и протянула руку за визиткой, а прочтя, заразительно засмеялась и пригласила сесть.

– Николь, – сказала она сладким мелодичным голосом и повернулась в мою сторону.

Только теперь я спокойно разглядел её. Глаза зелёные, но есть и сероватый цвет, чудесные каштановые волосы, милый подбородок и полуоткрытый рот с ровными рядами белых маленьких зубов. Возраст где-то около сорока, не больше. Однако выглядит значительно моложе. Она поймала на себе мой взгляд и для большего эффекта опустила длинные свои ресницы. Мы обменялись взглядами. Длинные и густые ресницы затрепетали.

Я отвёл от неё глаза, чтобы не ослепнуть, открыл рот и простояв несколько минут с открытым ртом, произнёс:

– Меня зовут Малик, – сказал я зачем-то на английском, пожал ей ручку, затем почему-то добавил. – Юрист.

Фуад пройдя сбоку, бесцеремонно вклинился в наш “разговор”. Слегка повернув красивую головку, она посмотрела на него, а он тут же спохватился, что поступил нетактично и поспешил исправиться, широко улыбнувшись. Николь снова повернулась в мою сторону, но теперь зазвенел телефон. Та нить, которая начала завязываться между нами, так и осталась без узла.

Николь объяснила нам, что мы пошли совсем не в ту сторону, и в Париже есть две улицы Вильсона. Вернее, одна из них улица Вильсона, а другая – проспект Вильсона, и мы находимся сейчас на проспекте. Мы снова нагнулись над картой, уже втроём. Николь начала водить по карте маленьким пальчиком, с близкого расстояния были видны крохотные ямочки на щеках, нагнувшись, я ещё почувствовал необычайный запах её волос. После недолгого поиска она показала на карте ту улицу, которую мы искали. Надо было возвращаться обратно и от площади Терне пройти налево по улице Ваграм до площади Бресиль, пересечь её и идти по улице Курсель, которая затем переходит в улицу Вильсона. По карте как будто недалеко, но идти придётся минут тридцать–сорок. Предложила подождать её шофёра, который должен был заехать за ней и отошла к телефону, который в это время зазвенел.

– Малик, надо было поцеловать ручку.

– Спасибо, я нацеловался со старушками, – и кивнув в сторону Николь, спросил вполголоса. – Сколько ей лет, как ты думаешь?

– Думаю лет сорок пять-сорок семь, а может и больше.

– Ты что говоришь!

– Морщины ты её видел?

– Нет у неё никаких морщин

– Значит, тебе надо очки, если ты не видел морщины у неё на лбу и даже на носу.

– И всё же выглядит она хоть куда, – возразил я.

– Для женщины бальзаковского возраста может быть и “хоть куда”, но не больше.

– А ты знаешь, про какой возраст женщины писал Бальзак?

– Наверно о таком, – неуверенно сказал Фуад и показал на неё.

– Вот именно, Бальзак...

Николь, отложив телефонную трубку, смотрела на нас с любопытством. Затем подошла и внимательно глядя на нас, протянула руку в сторону портрета и спросила что-то на французском.

Чуть повернув свою прелестную головку, она слегка прищурилась и окинула меня изучающим взглядом. Я промычал, не зная, что сказать, затем на всякий случай закивал головой. На стене висел портрет любителя пышных застолий, толстого чудака с пышными усами в простой светлой рубашке из полотна. Хмурое и чем-то недовольное выражение лица говорило о том, что его оторвали от вкусной еды. Наверное, это портрет её отца, а может быть и деда или какого-нибудь другого французского родственника.

Фуад был занят изучением интерьера комнаты и поняв, что надо выходить из положения, я толкнул его локтём. Наконец он “проснулся” и повернулся к нам.

– Хватит рассматривать комнату, – прошипел я.

– Это будуар!

– Не имеет значения.

– Будуар – эта мечта каждой женщины.

– И твоей тоже? Лучше узнай, что она хочет.

Фуад переспросил Николь, затем задумался, почесал бороду и сказал:

– Насколько я понял, она спросила: “Вы знаете, кто это?”.

Этим чудачком на стене оказался французский писатель девятнадцатого века Бальзак, а Николь активный член общества любителей его творчества. Она взяла меня за руку и подвела к портрету. Рама была такой же внушительной, как и сам Бальзак, вернее, правильно было произносить Оноре де Бальзак. Портрет был обрамлён в пышную золочённую раму с бронзовыми накладками и украшенную затейливым орнаментом. Я согласился с Фуадом, что только после смерти творческий человек получает позолочённую рамку. Николь ещё долго рассказывала о нём. То, что она говорила, я не понимал, но что она хотела сказать, понял даже я, вернее сказать, догадался. Потом мы узнали, что она приняла нас за испанцев, и что у нас в начале был очень смешной вид. Но тогда непонятно, отчего у неё был такой испуганный вид. Проходя через комнату я увидел из окна нижнюю площадку металлической башни, построенной Эйфелем. Около туалетного столика, инкрустированного изображением птиц, мы пропустили её вперёд к двери, и у меня была отличная возможность ещё раз оценить её стройную фигуру и походку. На мой вопрос, читал ли он хоть один роман Оноре де Бальзака, Фуад на ходу отрицательно покачал головой. Он, кроме вывесок на улице, разумеется, ничего ни читал, а бильярд занимал всё его свободное время. Я читал, но только сборники рассказов. В школьные годы “Озорные рассказы” Бальзака считались суперэротической книгой как и “Декамерон” Джованни Боккаччо. На прощание Николь, надев ажурную шляпу с широкими полями, вручила нам билеты на сегодняшний творческий вечер в доме-музее Бальзака, который, оказывается, располагался недалеко: надо только свернуть влево и пройти вперёд вдоль реки по проспекту Вильсон. На прощание я вспомнил и сказал “оревуар”, на что она изумлённо посмотрев на меня ответила “абьенто”. – Что она мне сказала? – спросил я, когда мы вышли из лифта..

– Это переводиться “до встречи”, и раз к тебе такое внимание, значит ты и посетишь вечер, почтишь память писателя и заодно поближе познакомишься с Николь. Она организатор сегодняшнего вечера, – засмеялся Фуад и добавил: – Я видел, как она на тебя смотрела. Она твоя. Это стопроцентный вариант.

Консьержка пристальным взглядом проводила нас, не поняв, на каком это языке мы говорили.

– Перестань говорить ерунду и поспеши.

Обратно мы шли уже быстрым шагом, не оглядываясь по сторонам. Елисейские поля мы пересекли вмиг, и я снова застыл у блестящей на солнце “Audi”. Как налетел на меня Фофа, я даже не почувствовал. Мы замерли перед ними, машины о которых мечтает, наверное, каждый

настоящий мужчина. Машины, увидев которые забываешь даже про женщин. Это были премьеры Парижского мотор-шоу, лимузины с подлинно спортивным характером и всевозможными прибабасами. Мы обменялись грустными улыбками, Фуад встал рядом и начал переводить:

“Audi” – двигатель объёмом 335л. с, полный привод Quattro, 6-ступенчатый автомат Tiptronic, переключение передач кнопками на руле. Электронные системы стабилизации, шикарный комфортабельный салон класса «люкс».

Я остановил его движением руки и уточнил:

– Синий вариант этого лимузина я видел в фильме “Жажда скорости”.

Фуад удивлённо поднял брови и продолжил:

– “Jaguar XJ” – двигатели: с турбонадувом 400л.с. Автоматическая трансмиссия и электронноуправляемая пневмоподвеска, автоматически выравнивающая машину.

“Bentley Continental GT” – самое быстрое четырёхместное спорткупе в мире. Максимальная скорость – 290 км/ч, двигатель W12 с двумя турбинами. И, конечно же, роскошный представительский салон со всеми возможными «наворотами».

“BMW Z4” – с суперпрестижным новым двигателем 225л.с., новыми высокоэффективными тормозами и подвеской. Голосовое управление второстепенными функциями.

Все выставленные машины потрясли нас современным динамичным дизайном и мы под впечатлением от увиденного вышли на площадь Триумфальной арки, но здесь произошла осечка. Фуад увидел итальянских коммивояжеров и устремился к ним, я не успел схватить его за рукав. Но итальянцы оказались ребятами шустрыми, успели разглядеть его и их “Fiat” рванул с места как гоночная машина, повизгивая шинами и нарушая все правила уличного движения. Спасая итальянцев, я перевёл Фуада на противоположную сторону улицы Ваграм и пройдя площадь Терне мы скоро оказались на улице Курсель. Здесь мы снова открыли карту, надо было сворачивать влево, пересечь площадь Марешаль Жуэн и продолжать идти по улице Курсель, которая плавно переходит в улицу Вильсона. Всю дорогу мы недоумевали, кто же этот Вильсон и за какие заслуги здесь аж две улицы названы в его честь. На площади Марешаль Жуэн мы остановились, и Фуад начал оглядываться. Затем быстрыми шагами двинулся влево от намеченного маршрута, увлекая меня за собой. Остановился он только у кафе, на красном тенте которого, большими буквами было написано “PEREIRE”.

– Надо пойти в туалет. Давай зайдём в кафе, заплатим за туалет, – затем, подумав, добавил. – Можем и не платить, тогда надо что-нибудь взять. К Аслану мы и так опоздали, а десять-пятнадцать минут погоды не делает.

И вопросительно на меня посмотрел. Что имел в виду Фуад под “что-нибудь” я прекрасно понимал. Мы молча вошли внутрь и решили сесть снаружи под тентом. Посетителей было много. Оглядевшись, я понял: парижан можно узнать по “дежурному набору” – на столе стоит маленькая бутылка минеральной воды “Perrigre”, маленькая чашечка кофе, пачка сигарет “Kent” и газета. Места для обзора они выбирали те, откуда наиболее хорошо просматривались проходящие люди и машины. Устав от газет, глотнув минералку и вытянув шею начинали разглядывать прохожих так, словно они сидят перед телевизором. Когда и это надоедало, они снова брались за чтение газет, в редких случаях прикасаясь губами к чашечки кофе или к сигарете.

Фуад убежал, а я открыл карту вин, лежащую на столе, взгляд остановился на названии “Rose de Loire” – розовое вино. Я слышал про это романтическое вино, которое легко пьётся и обладает свежим вкусом. Когда-то в далёкие сороковые-пятидесятые годы розовое вино было популярно в Баку, и раз в неделю любители его собирались в здании старого “Интуриста” на дегустацию. К сожалению, в моём городе сейчас уже нет ни того уникального здания на берегу моря, ни того розового вина. Осталась только память.

Я жестом подозвал официанта. Первый бокал вина мы пили не спеша, растянувшись в креслах. Не успели закончить первый бокал, как прозвучал звонок мобильного. Фофа быстро перехватил телефон:

– Сафа, здравствуй. У нас всё по плану, сейчас идём к твоей сестре Рафиге. Что делает Малик? – повернулся в мою сторону, расправил усы и продолжая дегустировать вино, сказал.
– Заканчивает первый бокал.

Я поперхнулся и постучал пальцем по голове:

– Ты что говоришь!

– А что такого, всё нормально. С женой будешь говорить? – подмигнул и нажал на дисплей мобильного. Я постарался выхватить телефон, но было поздно. В трубке послышался голос жены:

– Малик, это ты? Где ты? – услышал я встревоженный голос.

Искоса взглянув на него, я залпом опрокинул бокал, покрутил пальцем у виска и поспешил прервать поток вопросов.

– Здесь такая рыбалка, не можем оторваться. Рыба клюёт не останавливаясь. Завтра будем, не беспокойся. Дома всё нормально? Фуад? У него же голова слабое место! Солнечный удар получил. Лежит в тени, в себя приходит. Номер телефона не мой? Это... мобильник свой уронил в воду, а этот временно взял.

Фуад протянул мне второй бокал и приложил палец к губам:

– Не кричи, всю рыбу распугаешь.

Мы молча продолжили дегустацию розового вина.

Поговорив о роскошных лимузинах, премьерах Парижского мотор-шоу, мы вернулись к незаконченному разговору о Вильсоне, из-за которого мы обошли полгорода. Фуад предположил, что раз он такой заслуженный человек, наверное, его портрет должен быть на долларе. Высыпали все наличные от одного до стодолларовых купюр на стол, так нет его нигде, и Фуад сделал вывод “он что-то сделал именно этим французам”. Мы с этим согласились и, допив второй бокал, двинулись дальше, тихо напевая. Так, незаметно очутились перед домом № 12 по улице Вильсон. Дом стоял на пересечении улиц: десятиэтажный с большими широкими балконами вдоль всего фасада. Мы осмотрелись, улица была довольно оживлённая, через дорогу на углу был такой же дом с белыми балконами по всему фасаду, слева к нашему дому примыкало стеклянное здание, по назначению явно административное. Надо было понять, где вход в этот дом, и в это время над нами сверху послышался голос. Нас звали на родном азербайджанском языке. С балкона махали рукой и показывали, что надо пройти вперёд и свернуть во двор. У подъезда нас ждала консьержка, которая и проводила до лифта. Поблагодарив старушку, мы сели в лифт, она нажала на кнопку четыре и через секунду мы оказались на пятом этаже. Лифт – полная противоположность подъёмнику в отеле и в доме у Николь, можно сказать, мы практически не слышали звука вибрации. Перед лифтом нас ждала с руками, раскрытыми для объятий Рафига, младшая сестра Сафуры. Проведя в квартиру, рассадив нас по креслам и рассмотрев нас, спросила:

– Как на родине? Если бы вы знали, как я скучаю по всем! Стойте, я вам чай принесу, – и побежала, как мы поняли, на кухню. – Не рассказывайте пока, я сейчас иду.

Запахло крепким душистым чаем. Большой поднос она поставила на стол и пригласила нас:

– Давайте сядем здесь, а то в кресле неудобно пить. Так ты здесь, ты здесь, а я сяду между вами, – и начала нас разглядывать, поворачиваясь то вправо, то влево. – Нет, я лучше сяду напротив, так вас лучше будет видно, а вы пейте чай. Аслан ждал вас, но его вызвали. Не беспокойтесь, с минуты на минуту будет. Я приготовила дюшбаря и хингал. Он даже есть не стал без вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.